

Славословіе Божественной любви

(Римл. VIII, 31 — 39) (1)

Отрывокъ Римл. VIII, 31 — 39 составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ въ посланіяхъ Ап. Павла, я сказалъ бы больше: въ Новомъ Завѣтѣ вообще. По силѣ чувства, по совершенству формы, онъ принадлежитъ къ непревзойденнымъ образцамъ вдохновенной религиозной лирики, отличаясь, при томъ, и замѣчательнымъ внутреннимъ единствомъ. Его изученіе, какъ законченнаго и замкнутаго въ себѣ цѣлаго, казалось бы поэтому совершенно оправданнымъ. И было бы естественно искать въ немъ выраженія духовнаго опыта Ап. Павла. Мы готовы спросить себя, съ какихъ сторонъ раскрывается этотъ опытъ въ нашемъ отрывкѣ?

Но, подходя къ нему съ такимъ вопросомъ, мы тотчасъ же наталкиваемся на трудность. Дѣло въ томъ, что новѣйшія изслѣдованія показали, что въ посланіяхъ Ап. Павла необходимо различать части разновременнаго происхожденія. Во-первыхъ, составившая эпоху работа Роллера (2) не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что посланія Ап. Павла возникли въ результатѣ того же литературнаго процесса, который наблюдается въ древней эпистолографіи вообще. Отправитель письма не писалъ его отъ руки и даже не диктовалъ его своему сотруднику, какъ мы привыкли представлять себѣ происхожденіе посланій Ап. Павла, а давалъ заданіе секретарю, который получалъ отъ отправителя планъ или схематическій набросокъ письма и данное ему порученіе выполнялъ самостоятельно. Изготовленный черновикъ письма секретарь давалъ на просмотръ отправителю, который подвергалъ его своей редакціонной обработкѣ и снабжалъ своею подписью. Подписью въ античномъ письмѣ было обыкновенно какое-нибудь пожеланіе, чаще всего: «будь здоровъ» (3). Въ посланіяхъ Ап. Павла это — неизмѣнное въ заключеніи письма пожеланіе благодати (стр., напримѣръ, 2 Тес. III, 17, 18, 1 Кор. XVI, 22 — 24, Кол. IV, 18, а также 2 Кор. XIII, 1; Римл. XVI, 20 в. и др.). Горзато труднѣе выдѣлить поправки рукою Апостола въ основной части посланія. Но Роллеръ высказываетъ весьма основательную догадку, что неровность стила Ап. Павла — тѣ «анаколуэы» въ его посланіяхъ, о которыхъ такъ часто пишутъ критики, — объясняются такимъ соприсутствіемъ частей Павловыхъ и не-Павловыхъ: изложенія секретаря и исправленій Апостола (4). Судя по заголовкамъ посланій (стр. 2 Кор. 1, 1, Филипп. 1, 1, Кол. 1, 1, Филип. 1, а также 1 Тес.

1, 1, 2 Тес. 1, 1), секретаремъ Ап. Павла былъ чаще всего Тимоѳей, и потому Роллеръ, очень правдоподобно, говоритъ о смѣшанномъ стилѣ Павла и Тимоѳея (5). Но вопросъ осложняется тѣмъ, что въ посланія Ап. Павла вкраплены, по всей вѣроятности, и отрывки литургическаго происхожденія, не принадлежащіе перу ни самого Апостола, ни его секретаря. Эти отрывки отнюдь не являются позднѣйшими интерполяціями. Наоборотъ, включилъ-ли ихъ секретарь, согласно предварительному указанію отправителя, или, что менѣе вѣроятно, самъ Апостолъ при корректурѣ представленнаго ему черновика, эти литургическіе обломки древнѣ посланій въ ихъ теперешнемъ видѣ. Очень часто они содержатъ обоснованіе важныхъ въ планѣ посланій мыслей, и отправитель посланія предполагаетъ, что читателю они извѣстны. Весьма вѣроятно, что и самъ Апостолъ, и его секретарь, и читатели посланій ихъ воспѣвали на общественныхъ богослуженіяхъ. Къ такимъ отрывкамъ относятъ, напримеръ, фразу 1 Тим. III, 16, вводимую, въ лучшихъ рукописяхъ, относительнымъ мѣстоименіемъ *ὃς* (который), не связаннымъ ни съ какимъ именемъ существительнымъ въ управляющемъ предложении (6), а также знаменитый христологическій отрывокъ Филип. II, 6 — 11. Интересно, что въ этомъ отрывкѣ слова ст. 8: «смерти же крестной», нарушающія стихотворный ритмъ отрывка, изслѣдователи (7) склонны считать редакціоннымъ замѣчаніемъ Апостола, который нашель необходимымъ подчеркнуть, въ этой точкѣ, мысль цитируемаго имъ стихотворнаго фрагмента. Я стараюсь показать въ другой работѣ, уже готовой къ печати, что такое же литургическое происхожденіе могли имѣть и два стиха Римл. VIII, 29 — 30. Мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, что и они подверглись редакціонной обработкѣ Апостола. Можно указать и другіе тексты.

Изъ вышеизложенныхъ наблюденій вытекаетъ, что для сужденія о духовномъ опытѣ Ап. Павла преимущественное значеніе имѣютъ его редакціонныя поправки, а равнымъ образомъ и внесенные имъ или по его указанію секретаремъ литургическіе отрывки, если допустить, что онъ ихъ самъ возносилъ въ молитвѣ. Если, какъ думаетъ Роллеръ, 1 Кор. было написано Ап. Павломъ собственноручно (8), точнѣе говоря, если черновикъ, изготовленный, по указанію Ап. Павла, Сосеемъ (ср. 1, 1), былъ Ап. Павломъ не исправленъ, а переработанъ, почему и наново переписанъ, позволительно думать, что такой лирической отрывокъ, какъ гимнъ любви гл. XIII, дѣйствительно выражаетъ религиозное переживаніе Ап. Павла и даетъ матеріалъ для сужденія о его духовномъ опытѣ. Сдѣланныя Роллеромъ наблюденія привели его къ заключенію, что ближайшее участіе отправитель письма принималъ и въ составленіи его формуляра, т. е. тѣхъ частей, съ которыхъ письмо начинается и которыми оно заканчивается (9).

Какъ уже было сказано, выбранный нами отрывокъ Римл. VIII, 31 — 39 можетъ быть опредѣленъ, какъ лирическое произведеніе большой силы. Но отвѣчаетъ ли онъ тѣмъ условіямъ, которыя позволяютъ возводить отдѣльные отрывки Павловыхъ посланій непосредственно къ Апостолу? Совершенно несомнѣнно, что Римл. не было написано Ап,

Павломъ собственноручно. Это прямо вытекаетъ изъ приписки Римл. XVI, 21 — 23, которая слѣдуетъ непосредственно за подписью Апостола (ст. 20в.) и содержитъ имя секретаря: Тертій (ст. 22). Роллеръ убѣдительно показалъ (10), что такая приписка секретаря послѣ подписи отправителя была обыкновеннымъ явленіемъ въ античной эпистографіи. Если Римл. писано рукою Тертія, то подходитъ къ отрывку VIII, 31 — 39 такъ же, какъ мы подходили бы къ 1 Кор. XIII, было бы методологически неправильно. Не составляетъ онъ и части формуляра нашего посланія. Оставалось бы допустить, что Ап. Павелъ внесъ его, какъ редакціонную корректуру, или заимствовалъ его изъ литургическаго памятника, съ которымъ у него были связаны молитвенныя ассоціаціи, и въ этомъ смыслѣ далъ указанія своему секретарю. Но и то и другое допущеніе требовало бы обоснованія.

Не говоря о ритмическомъ построеніи нашего отрывка, на которомъ настаиваютъ нѣкоторые толкователи (11), и которое могло бы объясняться его литургическимъ происхожденіемъ, съ перваго взгляда можетъ казаться, что въ пользу его оцѣнки, какъ редакціоннаго дополненія Ап. Павла, говоритъ совпаденіе мыслей ст. 32 и ст. 3 той же гл. VIII. Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о той жертвѣ, которую принесъ Богъ, отдавъ за насъ Своего Сына. Если допустить, что то особое удивленіе, которое нашъ слухъ улавливаетъ въ ст. 3 (пославъ Сына Своего), было сообщено ему Апостоломъ Павломъ, ничто не мѣшало бы намъ думать, что для дальнѣйшаго оттъненія этой мысли Ап. Павелъ могъ ввести и весь нашъ отрывокъ VIII, 31 — 39, остріе котораго, до извѣстной степени, преднамѣчено въ ст. 32 (Тотъ, который Сына Своего не пощадилъ). Но это сближеніе могло бы быть истолковано и въ противоположномъ смыслѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только въ этой точкѣ, но и въ другихъ, нашъ отрывокъ тѣсно связанъ съ гл. VIII. Онъ вводится риторическимъ вопросомъ ст. 31, который нельзя понимать иначе, какъ выводъ изъ того, что ему предшествуетъ, въ ближайшую очередь, изъ стиховъ 29 — 30. И, если, какъ будетъ показано, нашъ отрывокъ есть славословіе Божественной любви, то тема о любви слышится и въ той литургической цитатѣ, которая составляетъ содержаніе этихъ стиховъ 29 — 30. Мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что нашъ отрывокъ былъ задуманъ Ап. Павломъ, какъ органическая часть гл. VIII, и входилъ въ то заданіе, которое онъ далъ Тертію. Въ пользу составленія нашего отрывка Тертіемъ говорятъ и другія наблюденія.

Прежде всего, тотъ риторическій вопросъ ст. 31а: *τί οὖν ἔροῦμεν πρὸς ταῦτα* (русскій синодальный переводъ: что же сказать на это?), съ котораго нашъ отрывокъ начинается. Формула *τί οὖν ἔροῦμεν*, характерна для стиля Римл. (12). Она встрѣчается въ IV, 1, VI, 1, VII, 7, IX, 14, 30 и, въ сокращенной формѣ: *τί οὖν*; въ III, 9, VI, 15, XI, 7 (ср. еще сходные обороты III, 1 и 3). При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, за первымъ риторическимъ вопросомъ слѣдуетъ второй (13). Своеобразіе этого словоупотребленія выступаетъ особенно въ сопоставленіи Римл. съ другими посланіями Ап. Павла, въ которыхъ оборотъ *τί οὖν*, встрѣчается, какъ рѣдкое исключеніе (ср. 1 Кор. X, 19, XIV,

15 и 26, а также Гал. III, 19, 1 Кор. V, 12 и Филип. 1, 18), а оборотъ *τί οὖν ἐροῦμεν;* не попадаетъ вовсе. Мы, естественно, склоняемся къ догадкѣ, что вышеуказанныя формулы отвѣчали стилю не Ап. Павла, а его секретаря при составленіи Римл. Если *τί οὖν ἐροῦμεν πρὸς τῆς*; въ VIII, 31а было написано тою же рукою, которая написала и гимнъ стт. 31в — 39, представляется вѣроятнымъ, что и онъ былъ сложенъ не самимъ Апостоломъ, а его секретаремъ. Къ этому наблюденію присоединяются другія. Въ ст. 34 посредничество Христова, понимаемое въ смыслѣ предстательства, выражено глаголомъ *ἐντυγχάνει* (русскій синодальный переводъ: ходатайствуетъ). Какъ извѣстно, въ другихъ мѣстахъ своихъ посланій Ап. Павелъ употребляетъ для обозначенія посредничества терминъ *μεσίτης*. Въ 1 Тим. II, 5 онъ относится ко Христу (ср. еще Гал. III, 19, 20) (14). Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ, что глаголь *ἐντυγχάνει* въ томъ же значеніи посредничества употребляется въ Римл. VIII въ ближайшемъ контекстѣ нашего отрывка. Въ ст. 27 стоитъ та же форма *ἐντυγχάνει*, какъ и въ ст. 34, а въ ст. 26в: *ὑπερτυγχάνει*, т. е. тотъ же глаголь *ἐντυγχάνει*, усиленный приставкою *ὑπερ* (русскій переводъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ: ходатайствуетъ). Рѣчь идетъ и въ ст. 26 и въ ст. 27 о предстательствѣ Св. Духа. Но въ данный моментъ насъ интересуетъ не столько ученіе, сколько терминологія. Совпаденіе терминологіи склоняетъ насъ къ мысли о единствѣ автора для Римл. VIII, 34, съ одной стороны, и той же главы стт. 26 и 27, съ другой стороны. Если мы учтемъ при этомъ, что Гал., въ которомъ Ап. Павелъ употребляетъ для выраженія посредничества терминъ *μεσίτης* (ср. III, 19, 20), было написано Ап. Павломъ собственноручно (ср. VI, 11) и потому, какъ думаетъ Роллеръ (15), можетъ дать матеріалъ для сужденія о стилѣ Ап. Павла наряду съ 1 Кор., Кол., II Фес. и Филим., — мы, съ значительною степенью вѣроятности, отнесемъ своеобразное словоупотребленіе Римл., распространяющееся и на отрывокъ VIII, 31 — 39, на счетъ апостольскаго секретаря. И, наконецъ, послѣднее. На протяженіи нашего отрывка два раза (стт. 35 и 39) высказывается мысль, что никакая сила не можетъ отлучить насъ отъ Божественной Любви. Для выраженія понятія отлученія и въ томъ и въ другомъ случаѣ стоятъ аористныя формы отъ глагола *χωρίζω*. Въ 1 Кор. VII, 10, 11, 15 Ап. Павелъ обозначаетъ этимъ глаголомъ расторженіе брака. Но въ ближайшемъ контекстѣ Римл. VIII, 31 — 39 и въ несомнѣнной внутренней связи съ нашимъ гимномъ, понятіе отлученія отъ Христа выражено терминомъ *ἀνάθεμα* (ср. IX, 3; русскій синодальный переводъ: «я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа»). Этотъ терминъ для выраженія отлученія попадаетъ и въ другихъ мѣстахъ Павловыхъ посланій. Въ 1 Кор. XVI, 22 и Гал. I, 8 онъ имѣетъ, вообще говоря, то же значеніе, какъ и въ Римл. IX, 3. Подразумѣваемое отлученіе сознается Ап. Павломъ, какъ величайшее несчастіе для того, кого оно постигаетъ. Въ 1 Кор. XII, 3 мыслится, какъ нѣкая теоретическая возможность, анаѳематствованіе Иисуса. Но и въ этомъ случаѣ *ἀνάθεμα* значитъ «отверженіе». *Ἀνάθεμα* конечно, гораздо сильнѣе простаго *χωρίζω* (16). Но лежащая въ основаніи

ἀναθεμα мысль объ отлученіи правильно передана русскимъ синодальнымъ переводомъ Римл. IX, 3. Можно, конечно, сказать, что въ Римл. VIII, 35 и 39 понятіе *ἀναθεμα* было бы неумѣстно. Тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ вниманія, что съ словоупотребленіемъ I Кор. и Гал., написанныхъ, по мнѣнію Роллера (17), Ап. Павломъ собственноручно, совпадаетъ терминологія не Римл. VIII, 35 и 39, а IX, 3 въ ближайшемъ контекстѣ нашего отрывка. Если текстъ, составленный секретаремъ, былъ обработанъ Апостоломъ, то соображенія стилистическія позволяютъ видѣть авторское дополненіе скорѣе въ IX, 3, чѣмъ въ VIII, 35 и 39. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что, если употребленіе *ἀναθεμα* можетъ быть понимаемо, какъ характерная особенность Ап. Павла, то глаголъ *χωρίζω* въ значеніи отлученія отъ Бога восходитъ къ греческой Библіи (ср. Прем. Сол. I, 3).

Вышеизложенныя наблюденія, которыя говорятъ въ пользу написанія Римл. VIII, 31 — 39 рукою секретаря, не имѣютъ значенія послѣдняго слова. Имъ могутъ быть противопоставлены другія, мимо которыхъ мы тоже не имѣемъ права пройти безъ вниманія. Въ нашемъ отрывкѣ встрѣчаются и черты характерныя для Павла. Таковы, на примѣръ, риторическіе вопросы, повторяющіеся, послѣ ст. 31а, въ стт. 31в, 32, 33а, 33в, 35а, 35в (18). Они наблюдаются и въ тѣхъ посланіяхъ Ап. Павла, которыя позволяютъ судить о его стилѣ (ср., на примѣръ, I Кор., 1, 20, III, 3 слл. 16 и др.). Въ ст. 35 понятія «скорби, тѣсноты... голода, наготы, опасности», а равно, и понятіе смерти въ стт. 36 и 38, выражающія состоянія и условія, подъ знакомъ которыхъ можетъ протекать жизнь христіанина, допускаютъ сопоставленія съ такими автобиографическими частями въ посланіяхъ Ап. Павла, какъ II Кор. VI, 4 слл. XI, 23, 26, 27. Нарочитый интересъ представляетъ терминологическое совпаденіе Римл. VIII, 35, 36, 38 съ I Кор. IV, 10 и XV, 30, если это посланіе, дѣйствительно, выражаетъ подлинный стиль Ап. Павла. Съ этой стороны, представляетъ интересъ и сочетаніе понятій «настоящаго» и «будущаго», съ которымъ мы встрѣчаемся не только въ Римл. VIII, 38, но и въ I Кор. III, 22. Точки соприкосновенія усматриваются и между Римл. VIII, 38 — 39, съ одной стороны, и Ефес. I, 21, II, 10, 15, Кол. I, 15, 16 и т. п., съ другой стороны. Особаго вниманія требовали бы, при этомъ, понятіе «будущаго» (ст. 38, ср. Ефес. I, 21) и понятіе «твари» (ст. 39, ср. Кол. I, 15).

Конечно, близость, наблюдающаяся между Римл. VIII, 31— 39, и другими посланіями Ап. Павла, не лишаетъ силы тѣхъ соображеній, которыя говорятъ въ пользу составленія нашего гимна рукою секретаря, но она, во всякомъ случаѣ, позволяетъ думать, что Павловы и не-Павловы части въ ткани Римл. вообще и нашего отрывка, въ частности, располагаются въ настолько сложномъ взаимоотношеніи, что ихъ различеніе представляется возможнымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Но въ этомъ различеніи, можетъ быть, и нѣтъ настоятельной необходимости. Позволительно думать, что въ основаніи Римл., составленнаго секретаремъ по указанію Ап. Павла, лежалъ обстоятельный конспектъ, тщательно проработанный самимъ Апостоломъ. Какъ уже было сказано,

мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что онъ предвидѣлъ и гимнъ VIII, 31 — 39. И, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что написанное секретаремъ прошло корректуру Апостола, которая могла наложить свою печать и на нашъ гимнъ, хотя бы эта печать и не допускала ближайшаго опредѣленія. Отправляя по адресу посланіе, корреktированное и снабженное подписью XVI, 20в (19), Павелъ выпускалъ его, какъ свое. Кто бы ни былъ, въ точномъ смыслѣ слова, составителемъ гимна Римл. VIII, 31 — 39, Павлова подпись стояла и подъ нимъ. Ею Павелъ свидѣтельствовалъ, что нашъ отрывокъ выражаетъ его переживаніе. Для сужденія о духовномъ опытѣ Ап. Павла онъ, такимъ образомъ, не менѣе характеренъ, чѣмъ всѣ другіе усвоенные имъ поэтическіе отрывки, какъ, на примѣръ, Филип. II, 6 — 11 или такія мѣста его посланій, какъ Ефес. I, 3 — 14, или I, 17 — 23, относительно которыхъ мы не имѣемъ основанія утверждать, что они были написаны самимъ Апостоломъ, а не его секретаремъ. Если мы привлекаемъ ихъ для знакомства съ его благочестіемъ, съ такимъ же правомъ мы можемъ привлечь для этой цѣли и наши девять стиховъ.

Какъ уже было сказано, отрывокъ VIII, 31 — 39 тѣсно связанъ съ контекстомъ. Это вытекаетъ, прежде всего, изъ риторическаго вопроса ст. 31а, который мы уже имѣли случай истолковать, какъ ссылку на стт. 29 — 30. Предложенное пониманіе имѣетъ защитниковъ и въ древности (20). Оно проводится и въ новѣйшихъ комментаріяхъ (21). Въ контекстѣ гл. VIII нашъ гимнъ долженъ быть изъясняемъ, какъ обоснованіе мыслей стт. 29 — 30. Понять его во всей его глубинѣ можно только въ этой связи.

Упованіе на спасеніе, понимаемое въ стт. 29 — 30, какъ усыновленіе Богомъ во Христѣ, достигающее своей полноты въ пріобретеніи усыновляемыхъ къ славѣ, обосновывается въ стт. 31 — 39 указаніемъ на Божественную Любовь. Предпосылка увѣренности есть сознаніе всемогущества Божія (стт. 31 — 34). Богъ властенъ дать намъ все (ср. ст. 32в). На подразумеваемый вопросъ: хочетъ Онъ это сдѣлать или не хочетъ? — нашъ гимнъ отвѣчаетъ славословіемъ Божественной Любви. Богъ есть Субъектъ Любви: Тотъ, Кто усыновилъ насъ во Христѣ и, предопредѣливъ ко спасенію, прославилъ (ср. стт. 29 — 30). Мысль о Богѣ, какъ субъектѣ любви, есть доминирующая мысль стт. 31в — 34. Если Богъ за насъ, кто противъ насъ (31в)? Ради насъ Богъ не пощадилъ Собственнаго Сына (32а). Можно ли сомнѣваться въ томъ, что вмѣстѣ съ Сыномъ Онъ дастъ намъ и все (32в)? Безсилны обвиненія (22) противъ избранниковъ Божіихъ (33а). Кто ихъ осудитъ, если ихъ оправдываетъ Богъ (33в) (23)? Въ ст. 39 нашъ гимнъ обрывается на словѣ о любви Божіей во Христѣ Исусѣ, Господѣ Нашемъ. Любовь Божія къ людямъ есть любовь отеческая. Эта мысль вытекаетъ изъ контекста (ср. стт. 15 — 16, 22), и мѣра любви Божіей къ людямъ есть любовь Его къ Сыну. Въ наукѣ было высказано мнѣніе, что въ основаніи мысли ст. 32а лежитъ жертвоприношеніе Исаака (24). Это мнѣніе представляется вѣроятнымъ, потому что образъ Авраама былъ часто въ сознаніи Ап. Павла (ср. Римл. IV, IX, Гал. III, IV). Но Авраамъ былъ го-

товъ принести Исаака въ жертву Богу. Богъ не пощадилъ «Своего Собственнаго Сына» ради насъ, по любви къ намъ. Если мы уловили въ ст. 3 указаніе на особую связь любви между Богомъ и Сыномъ Божиимъ, то въ ст. 32а связь эта выражена со всею силою въ приведенныхъ только что словахъ. Но Свою любовь къ Сыну Богъ принесъ въ жертву Своей любви къ людямъ. Безпредѣльность Божественной Любви доказываетъ волю Божию явить Свою всемогущую силу въ дѣлѣ спасенія человѣка. Тѣмъ самымъ, упование спасенія получаетъ въ нашемъ отрывкѣ теоцентрическое обоснованіе. Наше спасеніе имѣетъ начало въ Богѣ, Который и можетъ и хочетъ насъ спасти.

Какое мѣсто принадлежитъ въ дѣлѣ спасенія Христу? Сначала можетъ показаться, что участіе Христа въ спасеніи человѣка мыслится, какъ пассивное участіе. Въ ст. 32а говорится, что Богъ Его не пощадилъ, но предалъ за всѣхъ насъ. Эта же мысль слышится и въ ст. 32в («съ Нимъ»). Въ ст. 34а страдательное причастіе *ἠγέρθη* (русскій синодальный переводъ, неправильно: воскресъ) говоритъ о воскресеніи Его Богомъ (25). Но, какъ и въ другихъ Павловыхъ текстахъ, пассивнымъ аспектомъ отношеніе Христа ко спасенію не ограничивается. Въ томъ же ст. 34а о Его смерти употреблена нейтральная форма: *ἠποθῆναι* (русскій синодальный переводъ: умеръ) (26). Въ ст. 34в Онъ мыслится пребывающимъ одесную Бога и предстательствующимъ за насъ. Послѣднее есть активное служеніе Посредника въ Божественной славѣ. Рядомъ съ пассивнымъ аспектомъ спасенія во Христѣ стоитъ, такимъ образомъ, активный аспектъ, выраженный съ ясностью, не допускающей перетолкованія. Активность спасительнаго служенія Христа связана съ Его Божественнымъ достоинствомъ. Оно вытекаетъ въ нашемъ текстѣ, прежде всего, изъ представленія о Немъ, какъ о Сынѣ Божиимъ, пребывающемъ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ Отцомъ (32а) (27). Оно подтверждается фактомъ Его сѣдѣнія одесную Бога (34в). Какъ и въ Ефес. I, 20в, тѣмъ, что Богъ посадилъ Христа одесную Себя, Онъ засвидѣтельствовалъ Его равнобожественное достоинство. И послѣднее. — Божество Христово предполагается Его служеніемъ Посредника (34в) (28). Божественное достоинство Христово или, говоря общѣе, единственное отношеніе Иисуса Христа къ Богу Отцу, сообщаетъ Павлову упованію спасенія особую силу. Она чувствуется въ ст. 34. Если смерть Христова есть выраженіе Божественной Любви, то великое значеніе Его ходатайства объясняется Его воскресеніемъ и прославленіемъ. Это — христоцентрическое переживаніе спасенія, не отрывающееся, въ то же время, и отъ теоцентрическихъ корней. Издѣсь возникаетъ вопросъ. Если спасительное служеніе Христово, понимаемое, какъ дѣло Божественной Любви, имѣетъ не только пассивный, но и активный аспектъ и выражается въ предстательствѣ за насъ Иисуса Христа во славѣ, мы склонны понимать это предстательство, какъ выраженіе Его любви къ намъ. Встающей передъ нами вопросъ есть вопросъ о Христѣ, какъ субъектѣ любви.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ гимнѣ Римл. VIII, 31 — 39 наталкивается на двоякую трудность: я разумѣю текстуальную проблему ст. 35а и экзегетическую проблему ст. 37. При этомъ, вполне возможно,

что колебаніе текста вызвано колебаніемъ толкованія. Въ ст. 35а русскій переводъ: «кто отлучитъ насъ отъ любви **Божіей?**» восходитъ къ чтенію Θεοῦ представленному въ кодексахъ В, **κ** и у Оригена (29). Изъ критическихъ издателей этому чтенію отдалъ предпочтеніе Вейссъ, а Весткоттъ-Хортъ признавали его почти равноцѣннымъ параллельной формѣ (30). Въ параллельной форме, вмѣсто Θεοῦ стоитъ Χριστοῦ: «кто отлучитъ насъ отъ любви Христовой?». Большинство критиковъ считаетъ первоначальною эту параллельную форму. Что касается толкованія ст. 37, то рѣчь идетъ о пониманіи «Возлюбившаго насъ» [του ἀγαπήσαντος ἡμᾶς]. Кого имѣетъ въ виду Апостоль? Поскольку въ стт. 31 — 34 возносится славословіе любви Божіей, созерцаемой, при этомъ, съ разныхъ сторонъ, не было бы искусственно относить къ Богу и ст. 37. Это пониманіе отвѣчало бы чтенію Θεοῦ въ ст. 35а. Но толкователи обыкновенно видятъ въ «Возлюбившемъ насъ» Христа (31) въ полномъ согласіи съ общераспространеннымъ въ современной наукѣ рѣшеніемъ текстуальной проблемы ст. 35а. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Христосъ мыслится, какъ субъектъ любви. Толкованіе ст. 37 о Христѣ можетъ быть оправдано ссылкой на аористную форму причастія ἀγαπήσαντος. Аористъ есть глагольная форма, выражающая историческое прошлое. Если въ нашемъ отрывкѣ аористъ употребляется и о Богѣ (ср. ст. 32: οὐκ ἐφείσατο... παρέθηκεν), то имъ обозначаются дѣйствія Божіи о Христѣ, получившія историческое выраженіе въ событіяхъ спасительнаго служенія Христова. Такое же значеніе могло бы имѣть и ἀγαπήσαντος ст. 37. Но толкованіе этого аористнаго причастія о любви, явленной Самимъ Христомъ въ тѣхъ же фактахъ евангельской исторіи, представляется болѣе естественнымъ и вѣроятнымъ. Къ этому надо добавить, что и предлог διὰ съ родительнымъ падежомъ διὰ τοῦ ἀγαπήσαντος ἡμᾶς въ своемъ инструментальномъ значеніи (32) подходит наилучшимъ образомъ ко Христу. Русскій синодальный переводъ: «силою Возлюбившаго насъ», думаю, правильно передаетъ мысль Ап. Павла. Спасенные во Христѣ, мы, съ помощью Христовою преодолеваемъ стоящія передъ нами препятствія и постигающія насъ искушенія. Въ этомъ толкованіи, ст. 37, въ связи съ чтеніемъ Χριστοῦ въ ст. 35, оправдываетъ высказанное нами ожиданіе. Не только Богъ, но и Христосъ есть субъектъ любви. Пониманіе представительства Христова (ст. 34в), какъ проявленія Его любви къ намъ, отвѣчаетъ мыслямъ нашего гимна. Вознося славословіе Божественной Любви, Павелъ, вмѣстѣ съ любовію Божіею, славословитъ и любовь Христову. Отъ любви Божіей онъ съ такою естественностью переходитъ къ любви Христовой, что мы не сразу улавливаемъ переходъ. Это сказалося и въ колебаніи текста и оправдываетъ мнѣніе толкователей о фактическомъ совпаденіи любви Божіей и любви Христовой (33). Но самъ Павелъ уточняетъ свою мысль. Въ ст. 39 онъ кончаетъ нашъ гимнъ торжественнымъ исповѣданіемъ своей увѣренности въ томъ, что никакая сила и никакая тварь не могутъ отлучить насъ отъ «любви Божіей во Христѣ Исусѣ, Господѣ Нашемъ». Тѣмъ самымъ, Божественная Любовь возводится къ ея первоисточнику въ Богѣ-Отцѣ. Къ этому источнику

восходить и любовь Христова. Христоцентризм Павлова благочестія имѣть и въ этомъ случаѣ теоцентрическое основаніе.

Но мало того, что, въ собственномъ смыслѣ слова, субъектъ любви есть Богъ, и что любовь Христова есть любовь Божія во Христѣ. Поскольку мы говоримъ о христоцентризмѣ Павлова благочестія, наше вниманіе сосредоточено не на любви къ намъ со стороны Бога и Христа, а на той любви, которую имѣютъ къ нимъ люди, или, съ полной конкретностью, на той любви, которую имѣетъ къ нимъ Павелъ. Мы толковали родительные падежи *Χριστου* и *Θεου* въ стт. 35 и 39 въ смыслѣ *Genitivi subiectivi*. Этому толкованію отвѣчаетъ свидѣтельство о Богѣ въ стт. 31 — 34 и свидѣтельство о Христѣ въ предложенномъ толкованіи ст. 37. Но взятые въ отдѣльности, наши два родительные падежа могутъ обозначать и объекты любви. Въ ст. 35 можетъ идти рѣчь о **нашей** любви ко Христу, а въ ст. 39 о **нашей** любви во Христѣ къ Богу. Думается, что и этотъ оттѣнокъ не долженъ быть исключенъ изъ толкованія (34). Вѣдь, поскольку рѣчь идетъ о переживаніи Ап. Павломъ любви, явленной намъ Богомъ и Христомъ, это переживаніе совершается въ любви. На любовь божественную возлюбленный Богомъ и Христомъ отвѣчаетъ своею любовью къ Нимъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что на нашемъ гимнѣ лежитъ печать сильного чувства, которое и покоряетъ читателя. Это сильное чувство есть чувство любви къ Богу и ко Христу (35). Въ ст. 36 цитата изъ Пс. 43 (ст. 23) имѣетъ именно этотъ смыслъ: насъ умерщвляютъ «за Тебя», къ Кому бы это «Ты» ни относилось: къ Богу или ко Христу (36). Интересно, что въ ст. 28, въ ближайшемъ контекстѣ нашего отрывка, сказано о «любящихъ Бога». Такимъ образомъ, толкованіе родительныхъ падежей *Χριστου* и *Θεου* чѣ смыслѣ *Genitivi obiectivi* имѣло бы точки опоры и въ нашемъ гимнѣ и въ контекстѣ гл. VIII. Неудивительно, что это пониманіе оставило кое-гдѣ свои слѣды. Въ разночтеніяхъ кодексовъ **D** и **G**, вмѣсто *διὰ τοῦ ἀγαπήσαντος ἡμᾶς* (ст. 35а), стоитъ *διὰ τὸν ἀγαπήσαντα ἡμᾶς* (ср. лат.: *propter cum qui dilexit nos*) — не: «силою Возлюбившаго насъ», а: «ради Возлюбившаго насъ», или, съ полною ясностью: «по любви къ Возлюбившему насъ». Очень вѣроятно, что Ап. Павелъ (или вѣрный его мысли и его духу секретарь), ставя родительные падежи *Χριστου* и *Θεου*, сознательно считался съ тою двойственностью смысла, которую могъ въ нихъ почувствовать читатель, и которая, надо сказать, отвѣчаетъ значенію родительнаго падежа въ греческомъ языкѣ (37). Богъ есть въ одно и то же время и субъектъ и объектъ любви. То же касается и Христа. Выше было сказано, что нашъ гимнъ получаетъ исчерпывающее истолкованіе въ контекстѣ гл. VIII. Это касается, въ первую очередь, понятія любви въ его обоихъ смыслахъ. Въ стт. 29 — 30 въ цитируемомъ и комментируемомъ Апостоломъ стихотворномъ отрывкѣ рѣчь идетъ о нашемъ спасеніи, какъ усыновленіи Богу и братотвореніи Христу. Любовь, которой возносится славословіе въ стт. 31 — 39, это — отеческая любовь Божія къ усыновленнымъ Имъ чадамъ, это — любовь Христа, какъ Первороднаго изъ многихъ братьевъ, это, наконецъ, — наша отвѣтная любовь къ Небесному Отцу и къ Божественному Брату (38).

Въ изложенномъ пониманіи, гимнъ VIII, 31 — 39 представляетъ собою кульминаціонную точку Римл. (39). Онъ вводитъ насъ въ священный кругъ любви. Начало любви есть Богъ. Онъ есть Божественный Отець, любящій Своего Единороднаго Сына и распространяющій Свою отеческую любовь и на насъ. Любовь Его къ Сыну, которою Онъ жертвуетъ для людей, есть мѣра Его любви къ намъ. Любовь Божія къ намъ получаетъ свое выраженіе въ любви къ намъ Христа (ср. ст. 39). Но пониманіе заключительной фразы нашего гимна не исчерпывается возведеніемъ любви, которую намъ являетъ Христосъ, къ ея истокамъ въ Богѣ. Черезъ Христа восходитъ къ Богу и наша отвѣтная любовь. Любя Христа, мы любимъ въ Немъ Бога. И если Павелъ говоритъ, что никакія страданія, никакія силы, никакая тварь не могутъ отлучить насъ отъ любви Христовой или отъ любви Божіей во Христѣ, онъ думаетъ при этомъ не только о несокрушимости любви Божіей къ намъ; онъ исповѣдуетъ и свою любовь къ Богу и ко Христу. Эта любовь тоже не боится испытаній и, утверждаясь въ Богѣ, не трепещетъ противостоящихъ Ему силъ. Павелъ знаетъ не только то, что его не оставятъ Богъ и Христосъ. Онъ столь же твердо увѣренъ въ томъ, что и онъ не оставитъ Ихъ.

Больше того, онъ свидѣтельствуетъ о своемъ мистическомъ опытѣ. Заключительныя слова нашего отрывка: «во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ», воспроизводя формулу, выражающую, въ посланіяхъ Ап. Павла, его мистическое единеніе со Христомъ (ср. Римл. VI, 11, Ефес. I, 3, 4, 10, 12 и мн. др.), даютъ высшій смыслъ тому нерасторжимому единству со Христомъ, о которомъ онъ повторно говоритъ на протяженіи нашего отрывка. Перебирая то, что могло бы отвлечь его отъ Христа, онъ называетъ и ангельскіе чины (ст. 38) и тварь вообще (ст. 39). Онъ думаетъ о личныхъ связяхъ и всѣмъ этимъ личнымъ связямъ противопоставляетъ любовь Божественную. Сущность всякой любви есть стремленіе къ единству. И высшая степень единства есть единство мистическое.

Но и этимъ еще не все сказано. Полагая удареніе на любви Божіей и на любви Христовой въ обоихъ смыслахъ любви, какъ любви нисходящей и любви восходящей, Апостоль, какъ будто, ничего не говоритъ о любви между братьями. Но успокоиться на этомъ первомъ впечатлѣніи было бы неправильно. Въ контекстѣ стт. 29 — 30 любовь ко Христу, какъ только что было подчеркнуто, есть любовь къ Брату, и не просто къ Брату, а къ «Первородному изъ многихъ братьевъ». Въ любви ко Христу, какъ къ Брату въ единственномъ числѣ и въ собственномъ смыслѣ, подразумѣвается и получаетъ освященіе и любовь къ братьямъ во множественномъ числѣ. Если единеніе Апостола Павла со Христомъ и во Христѣ съ Богомъ есть единеніе мистическое, заслуживаетъ вниманія, что Павелъ говоритъ не о себѣ одномъ. Формы перваго лица множественнаго числа выдержаны на протяженіи всего нашего отрывка. Свой личный мистическій опытъ Павелъ переживаетъ въ великой семьѣ Церкви, какъ мистическаго союза. Соединенные любовью со Христомъ, вѣрующіе соединены во Христѣ и другъ съ другомъ. Къ этому можно добавить и другое. — Въ богословской наукѣ, не только право-

славной, но и инославной, часто слышится предостережение против психологизма. Оно, конечно, совершенно оправдано. Нельзя мѣрить Бога мѣрою человѣческаго. Но отечески-сыновнее отношеніе между людьми есть человѣческое отраженіе Божественнаго Отцовства и Божественнаго Сыновства (ср. Ефес. III, 14 — 15). И потому, со всяческими поправками на несоизмѣримость Божественнаго и человѣческаго, мы имѣемъ право утверждать, что человѣческія отношенія позволяютъ намъ судить и о ихъ первообразѣ въ Богѣ. Нельзя не отмѣтить, что и въ нашемъ гимнѣ любовь Божія къ людямъ измѣряется любовью Божіей къ Сыну: Павелъ свидѣтельствуетъ, что Богъ не пощадилъ Своего Собственнаго Сына, но предалъ за всѣхъ насъ (ст. 32). Онъ сопоставляетъ два аспекта отеческой любви Божіей: къ Своему Единородному Сыну и къ намъ, и тѣмъ какъ бы поощряетъ насъ обратиться къ доступному и намъ опыту отеческой любви. Для того, чтобы почувствовать, хотя бы отдаленно, жертвенную любовь Божію, намъ предлагается поставить себя въ положеніе Бога, пожертвовавшаго Своимъ Сыномъ. Это — тотъ психологизмъ, съ которымъ къ тайнамъ Божественной Жертвы подходилъ, несомнѣнно, и самъ Павелъ. И опытъ любви, отъ котораго онъ отправлялся, и который онъ предполагалъ у своихъ читателей, конечно, не ограничивался любовью отеческою: любовью земного отца къ земному сыну. Онъ думалъ о любви въ ея многообразныхъ проявленіяхъ, о любви между людьми въ великомъ союзѣ любви.

Заглавіе, которое я поставилъ, какъ будто, не исчерпываетъ содержанія нашего отрывка въ предложенномъ его толкованіи. Мы вскрыли въ немъ не только любовь, являемую Богомъ и Христомъ, но и нашу любовь къ Нимъ, и даже любовь христіанъ другъ къ другу, иначе говоря, мы вычитали въ немъ не одну лишь любовь Божественную, но и любовь человѣческую. И, тѣмъ не менѣе, я не нахожу другого заглавія, которое лучше выражало бы основную мысль Апостола. Любовь человѣческая — даже въ самыхъ смиренныхъ своихъ проявленіяхъ — есть отблескъ любви Божественной. Изливаясь на насъ во Христѣ, Божественная любовь имѣетъ начало въ Отцѣ. Наша отвѣтная любовь восходитъ къ Богу, какъ любовь сыновняя, и обнимаетъ нашихъ братьевъ на землѣ во Христѣ, какъ Божественномъ Братѣ.

Епископъ Кассіанъ.

ПРИМЪЧАНІЯ:

- (1) Настоящая статья представляет собою извлечение изъ большого изслѣдованія о Богосыновствѣ и Богоусыновленіи въ Новомъ Завѣтѣ, которое авторъ готовитъ къ печати подъ заглавіемъ: «Богъ — Отецъ. Изъ исторіи первохристіанскаго благочестія и богословія».
- (2) **Roller, Otto.** Das Formular der Paulinischen Briefe. Ein Beitrag zur Lehre vom Antiken Briefe. Stuttgart. 1933.
- (3) Ср. **Roller** ук. соч., стр. 69 слл., а также **Frame**, Epistles of St. Paul to the Thessalonians (въ International Critical Commentary), Edinburgh, 1912, стр. 312.
- (4) Ср. ук. соч., стр. 591, прим. 499.
- (5) Ср. ук. соч., стр. 148.
- (6) «Богъ», въ русскомъ переводѣ восходитъ къ худшему чтенію [ὁ] Θεός, представляющему собою одно изъ многочисленныхъ, въ исторіи новозавѣтнаго текста, исправленийъ непонятныхъ переписчику формъ.
- (7) Ср. **Lohmeyer**, E. Kyrios Jesus, въ Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klass. 1927/28. 4 (1928).
- (8) Ср. ук. соч., Exkurs 2. Die Eigenhändigkeitsvermerke S.-Pauli, стр. 187 слл., особенно стр. 191.
- (9) Ср. ук. соч., стр. 46 слл.
- (10) Ср. ук. соч., стр. 193 сл.
- (11) Ср. **Lagrange**, M. J. St.-Paul. Epitre aux Romains (Etudes Bibliques. 3 éd., Paris, 1922), стр. 217 сл.
- (12) Ср. **Sanday and Headlam.** Commentary on the Epistle to the Romans (въ International Critical Commentary. Edinburgh. 1925), стр. 73 (къ III. 5), а также стр. 253 (къ IX, 5) и Τρεμπέλας, Π. Ν., Ὑπόμνημαεἰς τὰς ἐπιστολάς τοῦ Παύλου. Ἀθήναι 1937, стр. 80 (къ Римл. IX, 14). Какъ и англійскіе толкователи, онъ сопоставляетъ комментируемый имъ текстъ съ Римл. III, 5 и пишетъ: «эта фраза употребляется для введенія возраженія».
- (13) **Denney**, J. St.-Paul's Epistle to the Romans (въ The Expositor's greek testament, edited by W. Nicoll, vol. II. London. 1900), стр. 667, отмѣчаетъ Римл. IX, 30, какъ исключеніе изъ этого общаго правила.
- (14) Слово *μαίτης* употребляется о Христѣ и въ Евр. VIII, 6, IX, 15, XII, 24, въ томъ же посланіи встрѣчается глаголъ этого же корня *μαίτιζω* (ср. VI, 17).
- (15) Ср. ук. соч., стр. 191.
- (16) Ср. ко всему **Behm**, *ἀνάθεμα*... въ Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament, herausgegeben von G. Kittel. B. II, стр. 356, 34 слл. «Der beherrschende Gedanke ist hier der einer Auslieferung dessen, der *ἀνάθεμα* sein sol, weil er sündigt, an den Richterzorn Gottes».
- (17) Ср. ук. соч., стр. 191.
- (18) Нѣкоторые толкователи умножаютъ число вопросительныхъ знаковъ, ставя ихъ послѣ Θεός ὁ δίκαιός въ ст. 33 и четыре раза на протяженіи ст. 34, ср. аппаратъ критическаго изданія Нестле, а также Трембеласъ, ук. соч., стр. 74, къ ст. 33 (прим. 1).
- (19) Ср. **Roller**, ук. соч., стр. 191 слл. (Der Schluss des Römerbriefes).
- (20) Ср. Комментаріи Икуменія (Ad Romanos, Caput XIII, Migne, Patr. Gr., t. 118, col. 491).
- (21) Ср. **Lagrange**, ук. соч., стр. 217: «cet admirable morceau se soude étroitement à ce qui précède».
- (22) Къ понятію обвиненія, ср. К. L. **Schmidt** (въ Theol. Wörterbuche, III, стр. 497, 32 сл.): «anklagen - juristischer terminus technicus».
- (23) Къ понятію оправданія, ср. **Schrenk** (ibid., II, стр. 222, 6 слл.), гдѣ судъ понимается къ эсхатологическомъ смыслѣ. Это пониманіе распространяется, вѣроятно, и на «обвиненіе» (ср. предыдущее примѣчаніе).

(24) Быт. XXII, 16 (тот же глагол *οὐκ ἐρείσω*: Ты не пощадишь), ср. **Sanday and Headlam**, ук. соч., стр. 220, и **Трембелась**, ук. соч. стр. 74, къ ст. 32 (прим. 3, ссылка на Бенгеля).

(25) **Oepke** *ἐγείρω*... въ *Theol. Wörterbuch*, II, стр. 334) усматриваетъ въ томъ предпочтеніи, которое новозавѣтные писатели, въ томъ числѣ и Ап. Павелъ, оказываютъ глаголу *ἐγείρειν* передъ глаголомъ *ἀνίστασθαι* или *ἀνίστασθαι*, мысль о дѣйствованіи Божіемъ. Воскрешаетъ Иисуса Богъ.

(26) Ср. параллельное свидѣтельство I Фес. V, 10.

Ср. Williams, N. P. *The Epistle to the Romans* въ *A New Commentary on Holy Scripture*, edited by Charles Gore. London, 1929), стр. 470. Онъ оставляетъ со стихомъ 32 той же гл. VIII, ст. 3, считаетъ оба выраженія равнозначными и дѣлаетъ изъ нихъ догматическій выводъ о природѣ богосыновняго достоинства Христова, какъ отношенія единственнаго и неповторимаго.

(28) Ср. параллельныя свидѣтельства, особенно I Тим. II, 5.

(29) Текстъ В и Оригена имѣетъ дополненіе, уподобляющее форму ст. 35 формѣ, ст. 39.

(30) Ср. критическій аппаратъ въ изданіи Нестле, стр. 408.

(31) Ср. напр., **Denney**, ук. соч., стр. 654; **Jülicher**, A. *Der Brief an die Römer* (въ *Die Schriften des Neuen Testaments*, II, Band. 3. Auflage. Göttingen, 1917), стр. 287, **Трембелась**, ук. соч., стр. 75 и др.

(32) **Oepke** (ср. *διὰ διὰ*, въ *Theol. Wörterbuch*, стр. 67, 35), понимаетъ предлогъ *διὰ* съ родительнымъ падежомъ, въ этомъ случае, въ каузальномъ смыслѣ (ради... по причинѣ). Но я не вижу оснований отказываться отъ простѣйшаго инструментальнаго значенія; ср. понимае *Bauernfeind* (ср. *βιερνικίω*, *ibiob.*, IV, стр. 945, 11): « Wir gewinnen den höchsten Sieg dur ch (курсивъ мой!) den, der uns gelielt hat ».

(33) Ср. **Stauffer**, *ἀγαπῶ, ἀγάπη*... (*Theol. Wörterbuch*, I, стр. 49, 22 сл.): « Wie Jesus sein Tun nicht schied von Gottes Tun, vielmehr tat, was nur Gott tun konnte ; die Sünden vergab, so ist für Paulus die Liebe Gottes und seines Christus im Grunde eines (R. 8. 37, 2 Th. 2. 16) ».

(34) Ср. пониманіе еп. Теофана. Толкованіе посланія къ Римлянамъ, I—VIII, Москва 1890, стр. 551 сл., 558 сл.

(35) Ср. **Трембелась**, ук. соч., стр. 75 къ ст. 35 (прим. 1).

(36) **Althaus**, въ *Das Neue Testament Deutsch*. 3. Aufl. Göttingen, 1938, т. II, стр. 240, относитъ его, въ Павловомъ толкованіи, ко Христу.

(37) Ср. **Friedrich**, *ἐπαγγέλιον* (въ *Theol. Wörterbuch*, II, стр. 728, прим. 72): « Die Griechischen Genetive haben etwas Schillerndes. Sie lassen sich oft nicht bequem in das von den Grammatikern angestellte Schema einzwängen, der Sinn muss aus dem Zusammenhang erschlossen werden. »

(38) Ср. **Althaus**, ук. соч., стр. 240 (къ ст. 34): **Er** (Христосъ) *schliesst in seine Sohnesgemeinschaft mit dem Vater uns fürbittend ein* ».

(39) **Schrenk** (ср. *ἐκλεκτός*, въ *Theol. Wörterbuch*, IV, стр. 194, 33 сл.) считаетъ, что въ понятіи избранія Римл. VIII, 33 суммируется все сказанное, начиная съ УИ, 14: о духоносцахъ, о сынахъ Божіяхъ, о любви Божіей. « Die Zweckbestimmung der Erwählung ist die Liebe, und der von Gott Geliebte kaun erst recht lieben » (стр. 195, 10 сл.).